

УДК 930.1+947(571.53)

Словарь «Деятели революционного движения в России» как источник по истории политической ссылки (на примере Иркутской губернии)

А. А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Анализируются материалы библиографического словаря «Деятели революционного движения в России», устанавливаются численность, социальный состав, структура и особенности размещения политических ссыльных народников на территории Иркутской губернии в 1860–1900-х гг., делается вывод о репрезентативности данного источника.

Ключевые слова: исторический источник, политическая ссылка в России, статистический и социальный анализ, Иркутская губерния.

Библиографический словарь «Деятели революционного движения в России», изданный по инициативе и при активном участии Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в 1927–1933 гг., является уникальным источником для изучения политической истории России XIX – начала XX в. В наше время это значение сохраняется: с одной стороны, по этим материалам можно продолжить исследование истории борьбы общества с самодержавием за демократизацию страны, с другой – проанализировать и обобщить формы и методы карательной политики государства, предпочитавшего наращивать репрессии вместо политических реформ и диалога [9].

В отечественной историографии уже отмечалась востребованность материалов словаря. «Весьма ценной сводкой фактов, в целом еще не использованной для социолого-статистических подсчетов» назвал его В. А. Дьяков [10, с. 41]. «Настольной книгой для каждого специалиста-историка революции» считал словарь Н. Н. Щербаков [19, с. 47] А. Д. Марголис, использовавший сведения нескольких библиографических словарей для выполнения обобщающих статистических исследований, признал их материалы «важным источником по истории царской политической каторги» [14, с. 119].

Задуманный в качестве научно-справочного издания, посвященного героям-революционерам – участникам борьбы с царизмом от А. Н. Радищева до социал-демократов и эсеров периода Первой русской революции, словарь «Деятели революционного движения в России» (далее Словарь) состоит из десяти книг, содержащих, по нашим подсчетам, не менее 15 тыс. биографических справок, составленных в виде унифицированных карточек на «видных» и рядовых участников революционного движения. Надо от-

метить, что, приступая к изданию Словаря, его составители прекрасно осознали не только гигантские масштабы предстоящей организационно-научной деятельности, но и значение этого источника для настоящих и будущих историков. «О настоятельной необходимости такого словаря, – писали А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова в плане к первому тому, – говорить много не приходится. Всякий, кому приходилось хоть немного работать по изучению нашего революционного прошлого и по изданию соответствующих материалов, неоднократно чувствовал настоятельную потребность в таком справочнике» [9]. При этом составители и достаточно реалистично оценивали свой труд, считая его лишь «предварительным списком» для будущего всеобъемлющего словаря революционеров.

Несмотря на столь скромную оценку своей деятельности, авторы-составители Словаря весьма тщательно подошли к формированию его источниковой базы. Ими были использованы различные документы, исходившие в основном от правоохранительных и судебных органов империи: материалы политических процессов, сведения губернских жандармских управлений, официальные обзоры революционного движения в стране, протоколы обысков и допросов. Большое место среди источников занимали и уже опубликованные материалы, и в первую очередь личного происхождения. Общее количество такого рода источников нарастало с каждым томом. Так, по подсчетам составителей, сделанным в предисловии к третьему тому, «список просмотренных изданий, выразившийся для “семидесятих” годов в цифре 195, для “восемидесятых” годов возрос до 270, между тем в него не вошли еще многие мелкие издания, упоминаемые в библиографии один-два раза...» [9].

Источниковая база Словаря имеет, таким образом, особенно для своего времени, весьма основательный характер. Ценность сведений, помещенных в Словаре, повышает и то, что все анкеты революционеров тщательно проверялись специальными комиссиями, а также самими бывшими ссыльными, объединенными в землячества, в том числе «енисейцами», «иркутянами», «верхнеундинцами» и «якутянами»: О. К. Булановой, И. И. Майновым, Э. К. Пекарским, И. И. Поповым, А. В. Прибылевым и мн. др.

Сформулируем цель настоящей статьи как определение репрезентативности помещенных в Словаре материалов для социолого-статистического исследования биографий народников, отбывавших наказание ссылкой на территории Иркутской губернии в 1860–1900-х гг. Из десяти томов выберем для анализа семь, пропустив первый, посвященный исключительно декабристам, и два последних, отданных социал-демократам.

Сплошной анализ материалов семи томов Словаря принес биограммы 319 народников, отбывавших наказание ссылкой в Иркутской губернии (все десять томов содержат 381 биограмму). При этом в 1860-е гг. в губернии зафиксировано всего 24 революционера, затем их численность здесь быстро выросла: 1870-е гг. дали 58 биограмм, 1880-е – 132, 1890-е – 53 и 1900-е (до 1905 г.) – 52.

Насколько полны, исчерпывающи настоящие количественные показатели? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем здесь сведения из официальных

источников, а также подсчеты других исследователей. Так, по данным отчетов иркутского генерал-губернатора, в 1859 г. в губернии состояло под надзором полиции всего 23, в 1860 г. – 22, в 1861 г. – 16 государственных преступников [4, л. 22]. В 1880 г. число политических ссыльных не превышало 90 человек, в 1882 г. их насчитывалось 105 [7, л. 24–47]. Согласно «Ведомости о числе государственных преступников и административно-ссыльных за 1887 год», в губернии находился 71 ссыльный, да 3 состояли на излечении в Кузнецовской больнице, а всего, значит, 74 [5, л. 72]. К 1 января 1899 г. в Иркутской губернии показано уже 112 политических преступников: 15 человек отбывали наказание по решению судебных органов, 97 – высланы административно [8, л. 1–52]. На 1 мая 1899 г. по Иркутской губернии политических ссыльных зафиксировано 108 человек [6, л. 14].

Теперь проанализируем источники историографического характера. Так, по однодневной переписи Иркутского губернского статистического комитета, произведенной 8 марта 1875 г., в Иркутске значилось 189 политических ссыльных – 164 мужчины и 25 женщин, из них домовладельцами, между прочим, были четверо [15, с. 65]. По подсчетам И. П. Белоконского, в 1883–1886 гг. в пределах Иркутской губернии проживало 99 ссыльных. Их большая часть отбывала поселение на севере – в Верхоленске – 25 %, Киренске – 23 %. Значительная часть ссыльных – почти каждый пятый – располагалась в Тунке [3, с. 142–157]. Согласно подсчетам В. М. Андреева, в Иркутской губернии было размещено следующее количество политических ссыльных: 1882 г. – 86, 1884 г. – 88, 1885 г. – 84, 1886 г. – 75, 1889 г. – 90, 1890 г. – 110, 1891 г. – 102, 1892 г. – 86 [2, с. 63–64, 67].

Как видим, количество биограмм Словаря и цифры, взятые нами из неопубликованных официальных источников, а также статей И. П. Белоконского и В. М. Андреева, хоть и не совпадают, однако достаточно очевидно соотносятся друг с другом. Расхождение в показателях вполне объяснимо как разнохарактерными источниками, так и отличиями в методике учета ссыльных, временем подсчетов. Таким образом, мы вправе сделать следующий вывод: Словарь весьма достоверно отражает реальное количество иркутских ссыльных, что может служить основанием для нашего дальнейшего социального анализа.

В сибирскую, и в первую очередь в иркутскую, ссылку отправлялись наиболее радикально настроенные противники государственного строя, активные пропагандисты и организаторы оппозиционного движения. По половому признаку они делились следующим образом: 269 революционеров, или 84,3 %, – это мужчины и 15,7 %, или 50 человек, – женщины. Это относительно высокий процент: в уголовной ссылке доля женщин была значительно меньшей. При этом следует сказать, что с каждым десятилетием число женщин в революционном движении неуклонно возрастало: если в 1860-х гг. среди революционеров не было ни одной дамы, то в 1870-х их здесь уже 13,8 %, в 1880-х – 19,2 %, в 1890-х – 15,1 % и в 1900-х – 17,3 %. Рост количества женщин среди революционеров вполне закономерен и связан с общей эмансипацией, а также распространением высшего образования среди молодежи.

Национальность выявлена у 317 человек. Она определялась в основном по косвенным признакам – типичная фамилия, имя и отчество, место рождения, вероисповедание и т. д. Статистика свидетельствует о преобладающем количестве среди революционеров русских – 56,2 %, далее следуют с большим отрывом евреи – 19,9 %, малороссы – 12,0 % и поляки – 3,5 %. Отмечено также незначительное количество уроженцев Привисленского края, австрийцев, грузин, сербов.

Проанализируем сословное происхождение ссыльных. Как и следовало ожидать, больше всего среди ссыльных народников было выходцев из дворян – 129 человек, или 41 %. Представителей другого состоятельного сословия – купечества – гораздо меньше: 17, или 5,4 %. Следует обратить внимание на то, что удельный вес дворян среди ссыльных неуклонно уменьшался, что, в принципе, соответствует общероссийской тенденции. Так, В. И. Ленин в работе «Роль сословий и классов в освободительном движении», ставшей в советское время классической, говоря о 1860-х гг., отмечал: «Движение еще наполовину остается движением привилегированных классов: дворян и верхов буржуазии...», однако затем «роль дворян совсем малая» [12, с. 397]. Статистика иркутских ссыльных хорошо иллюстрирует эту закономерность: если в 1860-х гг. доля дворян среди «наших» ссыльных составляла 79,2 %, в 1870-х – 45,6 %, в 1880–1890-х – 40,2 %, то в 1900–1905-х – всего 15,1 %.

Обращает на себя внимание сравнительно большая прослойка мещан – 93 человека, или 29,6 % от общего числа ссыльных революционеров, чье социальное происхождение удалось установить. Это – второе место в данной группе. Разрыв количественного соотношения дворян и мещан в показателях существенный, однако если к мещанам прибавить выходцев из семей священнослужителей – 32 человека, или 10,2 %, а также крестьян – 24 (8,4 %) и унтер-офицерских детей – 9 (2,9 %), приплюсовав при этом столько же зафиксированных рабочих, то в совокупности получим уже 167 человек, или 53 %, т. е. больше половины всех ссыльных. Таким образом, разночинские слои среди иркутских политических ссыльных в целом преобладали над выходцами из дворянского сословия, что свидетельствует о распространении революционного движения «вширь», когда оппозиционные настроения в конце XIX – начале XX в. захватывали все более широкие демократические слои.

Настоящий Словарь содержит сведения об образовательном уровне 300 ссыльных народников. При этом, опять же, следует оговориться, что в силу особенностей источника не удастся четко определить такие позиции, как «домашнее» или «начальное образование» – об этом в Словаре имеются лишь отрывочные данные. Данные же о высшем образовании, об окончании гимназии, лицея или училища просматриваются довольно полно. Согласно подсчетам, среди отбывавших иркутскую ссылку лишь 18 человек (6 %) имели домашнее образование; 61 и 64 соответственно (20,4 % и 21,4 %) окончили гимназию, училище или вуз, что в сумме дает 125 человек, или 41,7 %, достаточно образованных людей. Неграмотным выявлен всего один ссыльный, лиц с начальным образованием обозначено 17, или 5,7 %.

Интересны данные о недоучившихся гимназистах и студентах: по сведениям Словаря, не закончивших гимназии и училища среди ссыльных было 50 человек, не закончивших вузы – 103, что в совокупности, составляя 153 человек, дает 51 % всех ссыльных! Иными словами, практически каждый второй участник движения этого периода – студент-недоучка, изгнанный из вуза или гимназии «без права восстановления за участие в противоправной деятельности»: это могли быть несанкционированная студенческая сходка, городская демонстрация, например Казанская в Петербурге, распространение запрещенных воззваний, отчисление за «неблагонадежность» по требованию губернского жандармского управления.

Безусловно, среди недоучившихся студентов и гимназистов были и те, кто оставил учебу по собственной инициативе, однако, как правило, причины подобных решений были связаны с потребностями революционного движения – частыми переездами из города в город, необходимостью пропаганды в конкретной местности, переходом на нелегальное положение, преследованиями политической полиции. Столь высокий процент недоучек среди ссыльных объясняется, на наш взгляд, и своеобразной психологией молодого революционера-разночинца 1860–1880-х гг.: жажда самопожертвования ради интересов «народа» очень часто сопровождалась стремлением отказаться от всех материальных благ, полученных обществом путем эксплуатации большинства меньшинством, в том числе и от собственного образования.

Анализ образовательного уровня политических ссыльных Иркутской губернии заставляет обратить внимание и еще на одну, весьма заметную, особенность: 26 человек из 103 студентов-недоучек (25,3 %) проходили обучение, а затем были отчислены из одного учебного заведения – Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Такая активность, по всей видимости, объясняется кружком самообразования, организованным в академии М. Натансоном («кружок чайковцев») в начале 1870-х гг. и ставшим настоящей «кузницей» революционных кадров столичного региона.

Каким был профессиональный состав революционеров до ареста и иркутской ссылки? Ответить на этот вопрос не так просто, опять же, в силу состояния самого источника. Дело в том, что Словарь совершенно бессистемно отражает эту сторону биографий политических ссыльных. По всей видимости, для составителей куда большее значение имела революционная работа человека – принадлежность к тому или иному кружку, формы нелегальной деятельности, время ареста отражены в Словаре подробно, профессиональная же служба, ее место, продолжительность, карьерный рост будущего ссыльного встречаются далеко не у всех.

В итоге профессиональную деятельность до ссылки нам удалось определить лишь у половины революционеров. Данные биограмм пестрят сведениями о самых «демократичных» профессиях: здесь и лакей, писарь, мелкий торговец, владелец пивной, и надзиратель из тюремного замка, корректор журнала, мировой судья, статистик, бухгалтер, дорожный мастер, солдат. И все-таки среди будущих ссыльных преобладали лица умственного труда, служившая интеллигенция: учителя, и в первую очередь так называемые на-

родные, затем врачи, фельдшеры, медицинские сестры, акушерки, провизоры, ученики аптекарей. Далее следуют мелкие и средние государственные чиновники, служащие железных дорог и частных компаний, затем военно-служащие в небольших чинах, конвоиры (например, распропагандированные С. Г. Нечаевым в Петропавловской крепости П. П. Вишняков и А. И. Дементьев) и рабочие.

Последних обнаружено немало – как минимум 20 % от общего числа иркутских ссыльных. Вместе с тем вряд ли эта цифра отражает реальное состояние дел: в действительности, рабочих было меньше, ведь следует учитывать, что так представлялись крестьянам, а затем полиции народники середины 1870-х гг., когда приходили в деревни под видом кузнецов, шорников, ткачей, бондарей, сапожников и т. д. К тому же немалая часть революционеров-нелегалов, например печатники тайных типографий «Народной воли», при задержании также оформлялись в качестве рабочих.

И главное: для верного определения профессиональной занятости революционера-народника необходимо учесть большое число молодежи, не закончившей училища и вуза. Именно недоучки (153 человека), как и в анализе образовательного уровня ссыльных, составят здесь большинство. Если состояние «недоучившийся студент» («вечный студент» Петр Трофимов, сын аптекаря, дважды отчисленный из вуза, также, вполне возможно, бывал «в местах отдаленных» – А. П. Чехов просто не мог об этом сказать открыто) принять за социальный статус, получим, что по роду занятости до ссылки преобладали студенты вузов и училищ, затем шли учителя, врачи, мелкие чиновники, военнотружущие и рабочие.

Как известно, карательная политика самодержавного государства второй половины XIX в. имела не только конкретные виды и формы (полицейский надзор, административное преследование, тюремная изоляция, судебная или административная ссылка), но и свою географию. В этом отношении сибирскому краю отводилась исключительно важная роль: обширные территории, малозаселенные и необжитые, должны были надежно изолировать наиболее опасных противников самодержавия, предотвратить расширение их «крамольного» влияния на законопослушную часть общества, дезорганизовать и уничтожить движение в целом. При этом следует сказать, что физическое истребление инакомыслящих не предусматривалось: ссыльные административные, как, впрочем, и ссыльные по суду из привилегированных сословий, имели казенное пособие, им оплачивался комплект зимней и летней одежды, местные власти закрывали глаза на организацию в колониях общих столовых и коммун, да и материальная помощь из-за границы поступала в Сибирь вполне легально и беспрепятственно. Безусловно, суровые природно-климатические условия, необходимость добывать своим трудом «хлеб насущный», отсутствие привычной культурной среды – все это делало ссылку тяжелейшим испытанием, но при этом надо подчеркнуть: намеренного проявления жестокости к политическим ссыльным со стороны как центральных, так и местных властей, сознательного истребления их, как нередко это подавала советская историография, не было.

Говоря о географии ссылки, выделим ее наиболее существенные черты. Прежде всего следует иметь в виду, что все революционеры до сибирской или иркутской ссылки подвергались тюремному заключению, которое начиналось на месте «преступления», затем продолжалось в Доме предварительного заключения Петербурга, затем следовали централы, потом этапные тюрьмы и лишь после – «пребывание в предназначенной на то местности под гласным надзором полиции». Срок тюремного заключения до суда мог быть различным, но, как правило, всегда продолжительным. Так, например, следствие по делу «пропаганды в империи» (процесс 193-х) заняло три года; Н. Г. Чернышевский в ожидании приговора провел в тюрьме 2 года; Л. Д. Троцкий – больше 2 лет, В. И. Ленин – 14 месяцев. Как видим, тюремная изоляция революционера в ожидании суда или административного решения в течение одного-двух лет и более – обычная практика.

Среди ссыльных были и те, кто прошел испытание режимом главных политических тюрем империи – Петропавловской или Шлиссельбургской. Здесь отбывали заключение декабристы и петрашевцы, М. А. Бакунин и Н. Г. Чернышевский, М. И. Михайлов и В. А. Обручев, Н. А. Ишутин, И. А. Худяков и мн. др. По данным Словаря, в крепости содержалось не менее 15 % иркутских ссыльных.

Сибирь не была единственной территорией для изоляции политических преступников. В качестве «тюрьмы без решеток» государство активно использовало и «места не столь отдаленные» в Европейской России – Север, Поволжье, Центр, Приуралье. По подсчетам Л. П. Роцевской, в 1861–1870-х гг. здесь было сосредоточено до 64 % всех ссыльных империи. К концу века доля «политиков» в этом регионе снизилась, однако никогда не опускалась ниже одной третьей части от их общего количества [16, с. 81, 98].

Согласно данным Словаря, иркутская ссылка была не первой для 119 (43,6 %) революционеров. При этом 24 человека (20,2 %) отбывали ссылку на севере Европейской России – в Архангельске, Тотьме, Вологде, 17 – в Западной Сибири, в основном в Томской и Тобольской губерниях, 12 сослались в Енисейскую губернию, 17 – в Забайкальскую область и 49, или 41,2 %, уже побывали в «Якутке».

Столь значительное число якутских ссыльных среди «иркутян» – явление неслучайное и объясняется целенаправленной политикой государства: в Якутскую область сослали наиболее опасных, радикально настроенных революционеров из Европейской России и Сибири, а также всех евреев, осужденных по политическим делам. По данным П. Л. Казаряна, масштабы ссылки в область постоянно увеличивались: так, если в 1826–1881 гг. число прибывших в якутскую ссылку составляло 354 человека, то за 1882–1905 гг. – уже 777 революционеров [11, с. 99].

Если для отбывших наказание в Европейской части России иркутская ссылка была практически всегда новым наказанием, присуждавшимся уже по другому «преступному деянию», и следовала, как правило, через несколько лет после первой, то якутская или забайкальская, в сочетании с иркутской, представляла в основном кару по одному и тому же делу, где Иркутску отво-

дилась роль своеобразной «милости» правительства, которая «даровалась» уже категории «исправлявшихся»: после суровой и продолжительной якутской или забайкальской следовала более «мягкая» иркутская, заканчивавшаяся сокращением сроков по очередному манифесту и выездом в Европейскую Россию без права жительства в течение ряда лет в университетских городах.

Соседство Иркутской губернии с крупнейшей каторгой империи – Нерчинской – также диктовало свои особенности: здесь всегда было много революционеров, прошедших «университеты» одной из семи тюрем системы. По данным Словаря, не менее 66 иркутских ссыльных, или почти 20,7 % от их общего числа, отбыли первоначально наказание каторгой в Нерчинском округе, вышли на поселение в Якутскую область и лишь затем были отправлены в отдаленные уезды Иркутской губернии.

Как видим, основная часть народников (185, или почти 58 %) до прибытия в Иркутск уже имели богатый опыт поселенческой или каторжной жизни. При этом по крайней мере трое революционеров отбывали иркутскую ссылку дважды. Это С. И. Новаковская (1877, 1885), М. А. Натансон (1879, 1894) и Е. К. Брешко-Брешковская (1892, 1910) – принудительное возвращение на место поселения, даже через несколько лет после, казалось бы, удачного побега, в качестве второй ссылки нами не учитывалось.

Какова была структура политической ссылки Иркутской губернии 1860–1900-х гг.? Ответ на этот вопрос весьма важен для нашего исследования, так как дает возможность не только нарисовать собирательный портрет политического изгнанника, но и, что не менее интересно, установить особенности карательной политики государства этого периода. Характер ссылки определен, согласно материалам Словаря, у 302 человек. Анализ биограмм показывает, что в иркутской ссылке преобладали высланные административно – 169 человек, или почти 56 %. При этом можно четко проследить тенденцию постоянного наращивания объемов административной расправы: если в 1860–1870-х гг., по данным Словаря, высылался каждый третий из революционеров (35,4 %), то в 1880–1890-х – каждый второй (51,9 %), а 1900-е годы дают уже 86 % административных от всех ссыльных.

Вторую по численности категорию иркутских ссыльных составляли вышедшие на поселение в пределы губернии после каторжных работ – 71 человек, или 23,5 % (в основном после Нерчинской каторги), еще меньше было сосланных на поселение по суду – 59 (19,6 %) и совсем незначительное число – всего 3 революционера – были сосланы «на житье».

Настоящие цифры свидетельствуют о том, что самодержавное государство предпочитало расправляться со своими политическими противниками не судебными мерами, а административной ссылкой. Уже в 1870-х гг. Сенатом был принят ряд высочайше утвержденных законодательных мер, расширявших эту практику. Только по официальным данным, приводимым Н. А. Троицким, в Сибирь «за политику» административно было выслано в 1880 г. не менее 230 человек, в 1883 г. их число более чем удвоилось (537), а к 1898 г. достигло 1050–1060 [17, с. 66].

Немаловажным представляется и установление продолжительности пребывания революционеров в иркутской ссылке. Всего удалось определить сроки наказания у 294 человек (51, 122, 51, 23, 47 соответственно). В совокупности в иркутской ссылке (без учета ссылки дальнейшей, например Якутской) они провели 1323 года (274, 585, 233, 114, 117), что составляет 54 месяца, или почти по 4,5 года на одного человека. Это сравнительно небольшие сроки, что объясняется, во-первых, тем, что для многих иркутская ссылка была уже завершающим наказанием после каторги и поселения в Якутской области, во-вторых, наличием большого количества высланных административно, сроки отбывания для которых, как правило, составляли от 2 до 5 лет.

Выясним размещение народнической ссылки внутри Иркутской губернии. 89 «политиков» (28,4 %) из 315, чье местоположение удалось установить, проживали в столице, образуя здесь постоянную и весьма крупную колонию, члены которой в массе своей занимали активную общественно-политическую позицию, группируясь вокруг «Сибири» или «Восточного обозрения» и стремясь всячески поддерживать друг друга в поисках жилья, клиентуры для частной практики и места работы. По воспоминаниям В. Е. Мандельберга, прибывшего в город в 1899 г., в Иркутске к этому времени «собрались представители всевозможных эпох, партий и направлений; каждая волна революционного движения в России выбрасывала сюда своих представителей. Здесь были старые революционеры: народовольцы, каракозовцы, нечаевский солдатик, старые пролетариатцы из Польши, пепезовцы, народоправцы, наконец последние годы дали с.-ров, с.-деков, бундовцев, ... я мог на лицах, на носителях революции, знакомиться и с ее прошлым, и с ее настоящим» [13, с. 27].

Второе место по числу ссыльных – 61 человек, или 19,4 %, – принадлежало Киренскому, самому большому и наиболее отдаленному уезду губернии. Далее следовали Верхоленинский – 45 (14,4 %), Тункинский – 43 (13,7 %) и Балаганский – 42 ссыльных (13,4 %) уезды.

Говоря о географии ссылки внутри губернии, следует иметь в виду ее постоянную текучесть, что делает наши подсчеты в известной степени условными. Как правило, политические ссыльные неоднократно меняли места проживания. Это было связано с поиском работы или более выгодной службы, с состоянием здоровья или с отправкой супруга/супруги в иные места причисления. Якутских ссыльных, окончивших срок гласного надзора и получивших право приписаться к одному из крестьянских обществ, обычно селили в северных уездах губернии. Туда же отправляли большее число административных: они получали пособие от казны, а это давало возможность существовать там в условиях хронического отсутствия работы.

Как правило, после причисления в крестьяне какого-либо конкретного села политические ссыльные старались перебраться в города, и прежде всего в Иркутск. При этом достаточно было такому ссыльному оформить у местного фельдшера назначение на «лечение» к городскому специалисту, и он получал продолжительную отлучку, затем мог ее продлить, потом еще и еще. Часть иркутской колонии, формально приписанная к окрестным волостям,

подолгу имела возможность проживать в Иркутске, подыскивая здесь подходящую работу.

Надо учитывать также и то, что география ссылки имела и свою ярко выраженную «сезонность». Например, с началом навигации на Лене в Качуг, Жигалово, Усть-Кут, Киренск и Верхоленик устремлялись сотни политических ссыльных. Здесь они формировали артели грузчиков в 150–200 человек каждая, имевшие своих выборных руководителей, места совместного проживания и питания [1, с. 90]. Немало «политиков» работало в летний сезон на золотодобывающих приисках в Бодайбо, угольных коях в Черемхово, в судоходный период на Байкале, Лене и Ангаре.

Политические ссыльные не только корреспондировали в «Восточное обозрение» (этот сюжет достаточно разработан в отечественной историографии). И. И. Попов привлекал революционеров и к непосредственному редактированию и изготовлению своей газеты. Так, например, ее секретарем с 1898 г. был В. С. Ефремов, отбывавший ранее ссылку в Якутске и Верхолениске, а затем живший в Иркутске. По данным Словаря, в 1893–1894 гг. нелегально в типографии «Восточного обозрения» наборщиками работали В. Г. Георгиевский, сосланный в Сибирь по процессу 50-ти, и член «Пролетариата» В. А. Гловацкий.

По сведениям Словаря, постоянную работу в ссылке имели не менее 29 % политических ссыльных. Они занимались литературным трудом, этнографическими и археологическими исследованиями, служили в государственных и частных торгово-промышленных заведениях, были среди организаторов и сотрудников музеев, участвовали в Сибиряковской экспедиции, землеустройстве, организации переселенческого дела. Действительно, Сибирь многим обязана «пришлой интеллигенции».

Часть иркутских ссыльных продолжала и здесь революционную работу, находя понимание среди местной интеллигенции, и в первую очередь учащейся молодежи. Такая активность не могла остаться незамеченной Иркутским губернским жандармским управлением. За «возбуждение настроений к свержению существующего строя и образа правления» часть «политиков» подвергалась арестам, заключению в тюремный замок, наказывалась увеличением сроков поселения или «изъятием от действия» Высочайших манифестов, как правило, дававших ссыльным значительные «ослабления». По данным Словаря, за исследуемый нами период 12 иркутских ссыльных были наказаны каторжными работами на Каре, 42 революционера сосланы в отдаленные наследи Якутской области, что в совокупности составляет почти 17 % от их общего числа.

Об активном оппозиционном движении иркутских ссыльных может свидетельствовать и статистика побегов. По сведениям биограмм, из ссылки в рассматриваемый период бежало 47 человек из 319, или практически каждый шестой-седьмой революционер. При этом Словарь фиксирует 26 успешных побегов. Надо отметить: если побеги 1870-х гг. совершались бессистемно и были плохо организованы, то «самовольные отлучки с места поселения» 1890–1900-х, как они именовались в жандармской переписке, были следстви-

ем уже хорошо налаженной системы, а в колониях ссыльных устанавливались целые «очереди» из желающих бежать [18].

Помимо побегов с помощью Словаря можно также определить еще два немаловажных для нашего исследования показателя состояния иркутской ссылки – число умерших здесь и количество «подаванцев». Мартиролог «наших» ссыльных насчитывает 37 человек, или 11,6 %. Если учесть, что в ссылку попадали достаточно молодые и полные жизненных сил люди, это очень высокий процент для так называемой естественной убыли. О тяготах ссылки, тяжело переносимом одиночестве человека, оказавшегося в чуждой (во всяком случае, малопонятной) для него среде сибирского крестьянина-старожила, свидетельствует и число суицидов – 11, или 29,7 % от умерших.

«Подаванцев», т. е. ссыльных, подавших прошение на имя царя о помиловании и получивших тем самым освобождение, сокращение сроков наказания или значительное улучшение жилищно-бытовых условий, среди «иркутян» оказалось немного – Словарь содержит биограммы лишь 15 таких людей. При этом надо учитывать, что мотив прошения мог быть и «уважительным», связанным, например, с тяжелым материальным положением родителей, а также с изменением мировоззрения революционера, происшедшего под воздействием сибирской действительности.

Как видим, с помощью Словаря можно определить существенную часть показателей, характеризующих облик иркутской политической ссылки 1860–1900-х гг., а также составить собирательный портрет ссыльного. Это мужчина, дворянин или разночинец по происхождению, представитель одной из интеллигентных профессий, имевший высшее или среднее образование, еще больше – не успевший окончить университет или гимназию, арестованный «за пропаганду» или деятельность, подрывавшую «устои» государственного строя и общественного порядка, проведенный в доме предварительного заключения не менее полутора-двух лет, высланный в Сибирь административно или вышедший на поселение после якутской ссылки или нерчинской каторги, срок наказания которого составлял не менее 4–5 лет, отбывавшего наказание в сравнительно обжитых районах губернии, в том числе и в Иркутске, лишь эпизодически добывавшего средства к существованию своим трудом, а в основном жившего на казенное пособие, сохранившего и в тяжелых условиях ссылки активную гражданскую позицию и верность народнической идеологии.

Несмотря на целый ряд перечисленных выше черт, портрет иркутского ссыльного с помощью нашего Словаря получается все же неполным. Этому есть свои причины, которые обусловлены самой природой, происхождением привлекаемого официального источника (односторонность), методологией его анализа (классовый подход все-таки был и нередко преобладал, особенно при отборе биографий социал-демократов для последних томов), субъективизмом, характерным для эпистолярного и мемуарного жанра.

Приведем и недостатки более частного характера, абсолютное большинство которых имеют уже характер следствия сказанного выше. Словарь далеко не всегда определенно указывает правовой статус ссыльного: был ли он на положении гласного или негласного надзора, закончил ли срок своего нака-

зания и проживал в ожидании разрешения выехать в центральные губернии или оставался в Сибири, в Иркутске по собственной воле. Есть и такие биограммы, в которых лаконично обозначено: «после Якутской ссылки, проживал в Иркутске». Исходя из этой специфики, исследователь вынужден в число иркутских ссыльных включать *всех*, отбывавших наказание на территории губернии, в том числе и тех, чьи сроки гласного надзора формально закончились, однако они продолжали жить в Иркутске или губернии, время от времени попадая под негласный или особый надзор жандармского управления.

Далее, говоря о биограммах «шестидесятников», «семидесятников» и «восьмидесятников», помещенных в Словаре, надо иметь в виду весьма существенное несовпадение периода революционной работы в Европейской России со временем сибирской ссылки: между этими событиями, как правило, были два-три года следствия и предварительного тюремного заключения, затем продолжительный период каторги, например Карийской, потом пять-семь лет поселения в Якутской области и только после – пребывание на поселении в Иркутской губернии. Таким образом, вступив в движение, к примеру, в середине 1870-х и «попав» в соответствующий том Словаря, такой ссыльный, пройдя Петропавловку, тюрьму предварительного содержания, суд и каторгу, попадал в Иркутскую губернию нередко уже в начале, а то и середине 1880-х, в период «разложения активного народничества» (исключение составляют административно-ссыльные – они прибывали в губернию сразу после решения о высылке). Конечно, приравнивать такого ссыльного к «восьмидесятикам», а не к «семидесятикам» следует с большой долей условности. Учитывая это, правильным будет не выделять внутри 1860–1900-х гг. вообще какие-либо периоды, что существенно снижает ценность подсчетов.

Весьма спорным выглядит и главный принцип отбора персоналий для книг второго тома Словаря: составители руководствовались не «вкладом» человека в революционное движение, а *участием* в нем. Вот почему, наряду с известными теоретиками и практиками революционного дела, здесь широко представлены и «рядовые» участники оппозиционного движения, нередко по воле случая примкнувшие к борьбе за демократизацию страны, те, кто хоть единожды был задержан полицией и обыскан по подозрению в «сочувствии государственным преступникам» или привлечен к формальному дознанию за провоз в своем багаже из-за границы запрещенных в стране периодических изданий, или подвергнут «аресту при полиции» за чтение книг Лассалья, или исключен из гимназии за найденную у него прокламацию. Безусловно, благодаря такому методу отбора современный историк может составить весьма близкое к действительности представление о размахе оппозиционного движения в стране, а отсюда сделать вывод и о поддержке обществом самодержавного режима, однако Словарь посвящен все-таки «деятелям» и все-таки «революционного движения», а значит, такой принцип его формирования сомнителен.

Весьма существенным недостатком Словаря можно признать и отсутствие здесь биограмм участников национально-освободительного движения в Царстве Польском. Поляки (именно их вначале называли «политическими

ссылными» в отличие от русских/российских «государственных преступников») стали прибывать в пределы Иркутской губернии с 1830-х гг. С начала 1840-х здесь отбывали наказание свентокшижцы – участники варшавской организации «Содружество польского народа». Летом 1845 г. в сибирскую ссылку были отправлены представители организации Петра Сцегенного и связанных с ней польских конспиративных групп. В начале 1850-х на каторжные работы в нерчинские заводы были сосланы поляки – участники национально-освободительных организаций и движения 1848 г. Самых больших размеров достигла польская ссылка после подавления национально-освободительного восстания 1863–1864 гг., однако биограммы и этих революционеров не попали в Словарь.

Необходимо отметить и то, что основное внимание составители уделили нелегальной работе противников самодержавия до ареста и суда, а перипетии их пребывания в сибирской ссылке или на каторге описаны весьма скупо, одной строкой, включающей, как правило, лишь сведения о времени отправки в Сибирь, прибытии в Иркутскую губернию (порой без конкретного города или села) и год выезда из Сибири. При этом такие важные социальные характеристики, как занятость, легальная или нелегальная деятельность, участие в общественной жизни, материальное положение, связь с партийными центрами в России или за границей, изменения в семейном положении и другие практически отсутствуют. Кроме этого, надо отметить, что Словарь, в силу складывавшегося в этот период советского тоталитарного режима, отправлявшего уже в новую ссылку активных работников ВКП(б) и физически истреблявшего бывших эсеров и анархистов, так и не был закончен: его третий том составлен только на буквы А–З, а две книги пятого – лишь на А–Г (около 4 и 3 тыс. биограмм соответственно).

К недостаткам Словаря следует отнести и скупые сведения о жизни и деятельности политических ссыльных после революций 1917 г. Между тем эти данные могли бы дополнить портреты революционеров весьма важными характеристиками, позволившими исследователю сделать вывод не только об их «видной роли» в годы «царизма», но и успешной (или неудачной) партийно-государственной карьере в 1920–1930-х гг., в том числе и в Сибири: история формирования «отечественной политической элиты» как научная проблема в наши дни как никогда востребована.

Подводя итоги, резюмируем: особенности структуры и источниковой базы «Деятели революционного движения в России» позволяют исследователю создать лишь неполный собирательный портрет иркутского политического ссыльного. Тем не менее, настоящее издание и в наши дни является ценнейшим, а в сочетании с подобными биобиблиографическими справочниками, издававшимися в 1920–1930-х гг., уникальным источником по истории оппозиционного движения России второй половины XIX в.

1. *Амброзевич Л.* Ссылные грузчики на Лене // Иркутская ссылка. – М. : Изд-во ВОПиС, 1934. – С. 89–102.
2. *Андреев В. М.* Численность и состав политических ссылных в Восточной Сибири в 70–90-х годах XIX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). – Иркутск, 1980. – Вып. 5. – С. 52–71.
3. *Белокопский И. П.* К истории политической ссылки 80-х годов // Каторга и ссылка. – 1927. – № 2. – С. 142–157.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. Оц. Д. 638. Л. 22.
5. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 2.
6. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 102.
7. ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 367.
8. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 14.
9. Деятели революционного движения в России. От предшественников декабристов до падения царизма : биобиблиогр. слов. Т. 1 : От предшественников декабристов до конца «Народной воли», ч. 1 : До 50-х гг. XIX в. – М. : ВОПКиС, 1927. – 222 ст. ; Т. 1 : От предшественников декабристов до конца «Народной воли», ч. 2 : Шестидесятые годы. – М., 1928. – 496 ст. ; Т. 2 : Семидесятые годы, вып. 1 : А–Е. – М., 1929. – 406 ст. ; Т. 2 : Семидесятые годы, вып. 2 : Ж–Л. – М., 1930. – Ст. 408–836 ; Т. 2 : Семидесятые годы, вып. 3 : М–Р. – М., 1931. – Ст. 838–1384 ; Т. 2 : Семидесятые годы, вып. 4 : С–Я. – М., 1932. – Ст. 1394–2156 ; Т. 3 : Восемидесятые годы, вып. 1 : А–В. – М., 1933. – 690 ст. ; Т. 3, вып. 2 : Г–З. – М., 1934. Ст. 692–1580 ; Т. 5 : Социал-демократы, вып. 1 : А–Б. – М., 1931. – 584 ст. ; Т. 5 : Социал-демократы, вып. 2 : В–Г. – М., 1933. – Ст. 584–1310.
10. *Дьяков В. А.* Освободительное движение в России, 1825–1861 / В. А. Дьяков. – М. : Мысль, 1979. – 288 с.
11. *Казарян П. Л.* Якутская политическая ссылка: Историко-юридическое исследование / П. Л. Казарян. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1999. – 192 с.
12. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23 / В. И. Ленин. – М., 1968. – С. 397–398.
13. *Мандельберг В.* Из пережитого / В. Мандельберг. – Давос : За рубежом, 1910. – 145 с.
14. *Марголис А. Д.* Социолого-статистический анализ биографий политических каторжан – участников второго этапа освободительного движения в России // Политическая ссылка в Сибири. XIX – начало XX в. Историография и источники. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 119–130.
15. Памятная книжка Иркутской губернии. – Иркутск : Изд. Иркут. губерн. стат. комитета, 1881. – С. 65.
16. *Роцевская Л. П.* История политических репрессий в царской России : учеб. пособие / Л. П. Роцевская. – Сыктывкар : СыктГУ, 2006. – 140 с.
17. *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. / Н. А. Троицкий. – М. : Мысль, 1978. – 335 с.
18. *Тютчев Н.* Побег из Сибири политических в 90-х гг. // Каторга и ссылка. – 1924. – № 2 (9). – С. 206–213.
19. *Щербаков Н. Н.* Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев и его роль в разработке истории политической ссылки в эпоху империализма // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). – Иркутск, 1983. – Вып. 8. – С. 26–50.

«Representatives of the Revolutionary Movement in Russia» as a Source on History of a Political Exile (on the Example of the Irkutsk Province)

A. A. Ivanov

Irkutsk state university, Irkutsk

The article analyzes some materials of the biobibliographic dictionary «Representatives of the Revolutionary Movement in Russia». Besides it states the number, social structure, and characteristics of populists allocation within the territory of the Irkutsk province in 1860–1900s. The author elicits the representativeness of such kind of source.

Key words: historical source, political exile in Russia, statistical and social analysis, the Irkutsk province.

*Иванов Александр Александрович –
доктор исторических наук, профессор
Иркутского государственного универси-
тета, 664025, Иркутск, ул. Пятой ар-
мии, 26, тел. 8(3952)241242,
e-mail: ottisk@irmail.ru*

*Ivanov Alexander Aleksandrovich – Doctor
of Historical Sciences, Professor at the
Irkutsk State University, 664025,
Irkutsk, the Fifth Army St., 26,
phone 8 (3952)241242,
e-mail: ottisk@irmail.ru*